

Счастливая жатва

В нашей многогранной и быстротекущей жизни судьба одного человека, что песчинка в поле, вроде бы незначительна и неприметна. Но не будь этих самых песчинок, и не состоялось бы поля. Не было бы поля, что нас кормит хлебом насущным, не было бы и урожая. Не было бы урожая, не было бы жатвы. Той самой счастливой жатвы, о которой так много, трогательно и правдиво пишет наш коряжемский писатель с всесоюзным именем Борис Александрович Рябов.

Все началось в институте

Судьба одного человека - не предмет рассмотрения, если рассуждать по принципу: один в поле не воин. А он один, один за рабочим столом и, оказывается, воин. Воин не только на литературном фронте, но и в жизни, когда приходится бороться не только с равнодушием людей, но и с болезнью. Но судьба писателя высвечивается другими контурами - героями его новелл, повестей и рассказов. Он, писатель, живет их жизнью, живет среди них, он переживает вместе с ними взлеты и падения, вместе с ними радуется и печалится. С того дня, как вошел Борис Рябов в литературу, он не может быть одиноким. Писателю этого не дано! И он счастлив, что его окружающий мир, как добротный деревенский дом, наполняют люди.

Борис Александрович, как и его герои, бывает улыбчивым и грустным, вспыльчивым и спокойным, но он никогда не бывает равнодушным, ибо равнодушному не дано быть талантливым. Талантливым во всем: в семье (у него двое детей и внучка Катя); в школе, где он после окончания историко-филологического факультета Архангельского педагогического института преподавал историю, географию и литературу, а перед переходом на "писательские хлеба" четыре года работал директором средней школы N 4 в Коряжме; в литературе, которую выбрал на всю последующую жизнь.

Наверно, он и сам не помышлял, что когда-нибудь основательно сядет за писательский стол. В институте редактировал, так, больше для интереса, а может быть просто ради любопытства: получится ли? - студенческий журнал "Молодость". Получилось! Попробовал писать сам. Там и задумал свою первую повесть. Даже вчерне написал ее. Но ни себе, ни другим не признавался, что сделал первый шаг. Писал и переписывал долгими ночами, вспоминая родную деревню Наволок, что прижалась одним плечом к хаминовскому крутику, другое развернула в сторону поля да леса, а лицом повернулась к тогда еще полноводной, сплавной, своенравной реке Виледи.

Он никогда не придумывает своих героев. Он пишет их портреты, как говорят, с натуры. Колхозников - с людей вилегодских, близких и родных ему по духу, сплавщиков - на примере запани Шипицыно, где довелось преподавать после института, да запани Усть-Виледь, что раскинулась в устье реки его детства - Виледи, героев-лесозаготовителей он открыл в Удиме, где работал в школе и где встретил свою надежду и любовь - Тамару Васильевну. Там в декабре 1967 года сыграли свадьбу. С тех пор живут Рябовы душа в душу. Сына и дочку вырастили, выучили, на ноги поставили. Александр - ведущий инженер-программист АСУП на Котласском ЦБК, а Аня - инженер-конструктор на одном из заводов города Кирова. Как говорит Борис Александрович, оба технари. А Тамара Васильевна дополняет:

- Мы оба педагоги. Оба в школу пришли по призванию. Иначе бы я не отработала 39 лет с детьми. Да и Борис, практически, не ушел из школы. В его повестях и рассказах дети часто выступают в роли главных героев. Возьмите хотя бы его рассказы, вошедшие в книгу "Подлесок", или повесть "Ранние заморозки".

Признание

Вот как представляет эту повесть в первом номере литературно-художественного журнала "Север" за 1984 год известный архангельский литературовед Шамиль Галимов: "Молодой писатель Борис Рябов, например, в своей недавней повести "Ранние заморозки" смело обращается к исследованию самих истоков сиротства в современных условиях, к выявлению причин, деформирующих детство, порождающих семейные драмы, ломающих нормальные человеческие отношения. Сам автор причины этих явлений обнажает глубже. Он связывает их с общим недостатком духовности в жизни отдельных семей, с низкими бытательскими интересами. А это создает питательную почву для развития многих отрицательных склонностей: тяги к потребительству, к легкой жизни, к постоянным увеселениям и, в конечном счете, к тяжелым формам пьянства. Так создается атмосфера, ведущая к падению нравственности, атмосфера, глубоко враждебная детству и истинной человечности".

Он долго боролся с самим собой: дано ли ему право учить людей, спорить со своими героями, в чем-то поддерживать их, в чем-то осуждать? Потому так долго, как признается сейчас, писал для себя, чтобы облегчить душу, которая упорно и настойчиво просила слова. Он, как парашютист перед первым прыжком в голубое небо, ведущее к земле, к людям, основательно взвешивал свои силы и свои возможности. К сожалению, и сегодня в литературе есть проходные фигуры и случайные люди. Он не хотел оказаться ни проходным, ни тем более случайным. Борис Рябов вышел к читателю уверенным шагом и с первого печатного слова утвердился как большой литератор, которому есть чем поделиться с читателями.

Вот как пишет об этом Шамиль Галимов: "Б.Рябов правдиво показывает тяжкие внутрисемейные распри, различные случаи развала семей, порождающие сиротство. Не останавливается он и перед изображением трагических ситуаций. Сюжетная основа "Ранних заморозков" - будни детского дома. Чувствуется, что автор хорошо знает жизнь детей, заботы учительства, родительскую среду. Он сам много лет проработал учителем".

Известный московский писатель и критик Семен Шуртаков приглашает молодых прозаиков на страницах "Литературной газеты" (25 февраля 1987 года) на учебу в свою творческую мастерскую, в которой на примере нескольких начинающих авторов, в их числе и творчество коряжемца Бориса Рябова, показывает, как надо и как не надо писать. Статья называется "Сколько лет Красной Шапочке?" Не могу не привести из нее несколько абзацев. "Еще одно начало - на сей раз начало повести архангельского прозаика Бориса Рябова с неприятным названием "Деревенька". " Федор проснулся, когда солнце соскользнуло с опечка и косою дорожкой легло на половики: Он оперся рукой о косяк, посмотрел в окно на деревенскую улицу, хотя знал, что никого в этот час не увидит. Едва заметная в разнотравье тропинка, минуя дом с заколоченными окнами, сторонясь покосившихся изгородей, тянулась к крыльцу дома, в котором жила Настасья: Когда Федор и Настасья остались в Подболотье одни, так уж повелось, что утро начиналось у них со взгляда на дым: вьется над крышей, - значит, жив сосед, справляет обычные дела". Сегодня дыма не было "Как видим, общий тон повествования здесь, - продолжает Семен Шуртаков, - более спокойный и обстоятельный и словесного материала на "запевку" ушло значительно больше. Но уж зато как "широкозахватно" и серьезно начато! Никакой дешевой "завлекательности", никаких нарочитых "непонятностей", долженствующих (по мнению некоторых авторов) возбудить любопытство читателя. Каждая строка, каждое слово несут определенную информацию, и все вместе звучат как бы прелюдией к каким-то драматическим - судя по последней фразе - событиям".

Так был представлен наш писатель-земляк на всесоюзной арене. Это признание не вскружило голову, Борис Александрович не позволил себе "купаться" в лучах славы всеобщего признания. Он был и остается трудоголиком в высоком звучании этого слова. Он хорошо понимал, что в литературе, как и в физике, ничто не берется ниоткуда и не уходит в никуда. Он знал, что первая высота - самая опасная: один неосмотрительный шаг, одна небольшая по отношению к себе вольность, и можешь сорваться в пропасть обыкновенного житейского бытия. Он и сам опасался этого, потому так неохотно соглашался на встречи, участие в конференциях и дискуссиях, где ему предлагали быть Богом и судьей. Он держался в тени, чтобы лучи славы не "сожгли" его писательское перо. И оказался прав. Опыт и знание, глубокое изучение психологии и умение идти от правды к правде обеспечили Борису Александровичу Рябову его плодотворное литературное долголетие. Самое дорогое - дети.

24 сентября 2004 года он отметил свое 65-летие. Пройден большой творческий путь, который не был усыпан розами. Но это его путь, его жизнь. Он выбрал свое дело сам и другого ему не дано. Литературе надо отдаваться сполна или уходить из нее навсегда. Она не любит "двоеженства"! И у него был такой период: трудный период, пришлось брать себя, как признается Борис Александрович сегодня, на излом. Вопрос встал так: школа или литература? Он выбрал второе. А из школы он не ушел, как он мог предать самое дорогое на земле - детей?! Они идут с ним по жизни в его повестях и рассказах.

А дома рядом с ним всегда любимая всеми внучка Катя: то радио ему включит, то за газетой в соседнюю комнату сбегает. - И для нее дел по дому хватает, - смеется Тамара Васильевна, которая, стала бабушкой совсем недавно. Катеньке - два года и восемь месяцев. Месяц назад выделили ей место в детсаду. Теперь она приносит Борису Александровичу "мирские" вести: кто и как ведет себя в их группе, рассказывает, что там весело, так как малышей много и она, Катя Рябова, среди них не самая маленькая. Вот так вот! А потом я листал семейный альбом Рябовых-старших, и Катерина давала пояснения по каждой фотографии: это папа маленький, это тетя Аня, это дедушка Боря в армии, он на ракете летал, это бабушка в школе. Мне было интересно слушать это

маленькое чудо, потому что детство всегда живет в нас. Интересно еще и потому, что Катя общительна. Она знает, о чем говорит. Прокатившись на четырехколесном коне, она присела ко мне на диван, задумалась. Минута молчания прошла, и она протянула второй альбом. Их в семье Бориса Александровича много. Все не пересмотреть, но кое-что увидеть из этой фотохроники дел и событий, наполненной обыкновенными рабочими буднями и семейными праздниками династии Рябовых, мне все-таки удалось. К сожалению, в них я не нашел снимка из марта 1988 года, когда Бориса Александровича приняли в члены Союза писателей СССР. А вот его членский билет за N 05464 раскрыл бережно, с чувством особого волнения. Ведь это уже реликвия! Борис Александрович, уловив мой взгляд, особо подчеркнул: - Документ не российский, а союзный. Союзный. Это не поза, не игра слов, не демократия "по-русски", это позиция! Ее и прописал писатель в своей повести "Ранние заморозки": "На войне люди лицом к пулям шли, хотя знали, что ждет. И не считали перед атакой, сколько сирот останется. А теперь многие оглядываться научились. На должность - как бы не понизили. На зарплату - не получить бы меньше. В три погибели согнутся, чтоб стул помягче подставить. Мало ли таких развелось?"

Первая повесть Бориса Рябова "Деревенька" была опубликована в первом номере журнала "Север" за 1982 год. Повесть, которая стала для него стартовой площадкой в большую литературу. Пришло признание, и пришла ответственность: писать лучше, писать не на потребу читателя, а для его воспитания. И тут педагогика стала его хорошим союзником. Он пишет внутри себя, никогда ни с кем не советуется. Пишет, безжалостно рвет написанное, правит и снова пишет. Он как бы замкнулся в самом себе. Но это ошибочное мнение. Он пишет своих героев по памяти, которая цепко, как вспаханное поле, принявшее семена, дает отличные всходы. Ведет писателя к его счастливой литературной жатве. Но литературная жатва, как и сельскохозяйственная, завершается тогда, когда урожай засыпан в закрома, то есть нашел свое воплощение в публикациях и книгах. К сожалению, ждут своего часа в писательском столе десятки интересных рассказов, повести "Облетевшие листья", "На обочине", "Оборванная повесть" и другие.

В деревне Наволок, как и прежде, стоит его отцовский дом, из окна которого виден памятник землякам, не вернувшимся с войны. Борис Александрович участвовал в его открытии, а память вела его в далекое прошлое. Александр Андреевич, отец его, вернулся с фронта с тяжелым ранением, пожил два года, и свезли его друзья-товарищи в Сосновскую на окрестное кладбище. Весь семейный груз сполна лег на плечи матери Анны Федосеевны. Не случайно свою первую повесть "Деревенька" Борис Александрович посвятил ей. Неправильно я сказал: сполна легли. Они, эти заботы, лежали на ее плечах и все военные годы. Думалось ей: вот вернется Саша (так любовно, по-крестьянски просто, она называла мужа), будет легче детей растить. Это сейчас на одном ребенке ставят точку, а тогда деревня жила щедро: пять - шесть, это как закон. А в семье Рябовых Борис был девятым, замыкающим. Правда, выжили только трое. Но это уж время было такое - война, голод, неустроенность, во всем сталинская дисциплина: прежде думай о Родине, а потом о себе. Теперь из девяти только двое осталось: старшая сестра Валентина, что в Двинском Березнике учительствовала, да он, Борис. Вот ведь как жизнь обернулась.

Его герои живут среди нас. Мы встречаемся с этими людьми ежедневно в поездах, в родной деревне, на улицах родного города, на работе. Встречаемся: и проходим мимо. А писатель Борис Александрович Рябов просит нас остановиться, протянуть человеку руку и произнести такое простое и такое теплое слово: - Здравствуйте! С первых публикаций слежу за творчеством Бориса Александровича, изучаю его, горжусь, что знаком с этим человеком. Впервые встретился с ним на одном из заседаний литературного объединения "Горизонт". Тогда он еще не был ни признанным, ни начинающим писателем. Рябов представился просто: педагог средней школы N 3, пришел послушать местных авторов и, если будет удобно, высказать свои замечания и предложения. После выхода повести "Деревенька" я откликнулся на нее рецензией, в которой писал: "Повесть коряжемца Б.А. Рябова не утонула в густой палитре деревенского быта. Она решает большую и важную социальную проблему: как и чем удержать человека на этой земле, чтобы ключи от отцовского дома не попали в чужие руки?" Он принял эти ключи от матери своей - Анны Федосеевны. Потому так бережно, с болью в сердце, пишет Борис Александрович деревню. Потому дети его, Александр и Анна, несут продолжением по жизни имена его родителей. Потому он горит желанием успеть сделать больше и лучше. Этот прекрасный порыв подкреплен талантом писателя.

Николай Шкаредный, член Международной ассоциации писателей.